

*Моим маме и папе,
благодаря которым мое детство
было наполнено историями.
И Спэм, которая навсегда
останется жить в Тильобьянко*

Пролог

Воскресное утро. Обычное июньское утро в совершенно обычной деревушке.

Крошечная церковь была полна народу: неожиданно налетела сильнейшая гроза, каких в Тильобьянко еще не видали. Или, по крайней мере, не видала Аньезе, а уж она-то прожила там всю жизнь, в розовом домике на самом краю деревни, напротив другого домика, желтого, где жила Эльвира, ее злейший враг.

Аньезе с Эльвирой совпадали по возрасту и интересам и могли бы стать лучшими подругами, но вместо этого стали злейшими врагами и теперь, сидя на противоположных скамейках в первом ряду, прожигали друг друга взглядами.

Их вражда началась гораздо раньше, задолго до этого воскресенья, когда вот-вот должно было произойти событие, которое определит жизни многих обитателей этой маленькой деревушки. В то утро, когда началась наша история, Аньезе сидела в переполненной церкви и думала, что такой грозы в Тильобьянко еще не случилось.

Дон Аттилио, старый-престарый священник, только что неуверенно произнес:

— Идите с миром. — И посмотрел на своих прихожан, будто извиняясь. Идите с миром куда? На улицу, где разразился настоящий гнев Господень? Кто рискнул бы выйти из церкви напрямиком в идеальный шторм?

И действительно, жители Тильобьянко, пришедшие в то утро на мессу, поднялись и сгрудились у выхода на открытое деревянное крыльцо, не решаясь двинуться дальше.

— Дон, вы посмотрите, снаружи как в преисподней, — не без оснований заметил Эльвио, которому тогда только-только исполнилось пятьдесят.

— Ох, и в самом деле... — признал священник, чей длинный нос протиснулся сквозь небольшую толпу вперед него самого. Дон Аттилио посмотрел на небо, а потом на увесистые градины, щедро сыпавшиеся на паперть. — Хотите переждать внутри?

— Может, организуем партейку в рубамаццо...¹

— Нет уж, мне идти надо! — заявил женский голос, и звучал он несколько вызывающе.

Сорок шесть голов одновременно повернулись в ту сторону, но экономка священника Луиза и бровью не повела, как и всегда.

— Луиза, ты куда так спешишь? Только выйдешь, как тебя тут же молнией и шарахнет, — заметила Эльвира.

¹ Рубамаццо (от ит. Rubamazzo, «Укради колоду») — популярная в Италии быстрая и веселая карточная игра. — Здесь и далее — прим. переводчика.

Итальянское лето с клубничным ароматом

— Все равно пойду, у меня клубничный джем на плите.

— Ты что же, ушла, а плиту не выключила? — похолодев от ужаса, спросил дон Аттилио.

— Да, но теперь пора как раз выключать, потому что джем уж точно готов.

— Это для клубничного торта? — уточнила Аньезе с нарочито безразличным видом.

— Не лезь не в свое дело, — как всегда, любезно ответила Луиза. Ни разу она даже не упомянула секретный рецепт своего клубничного торта, настолько вкусного, что даже заслужил собственное название: «Супрема»¹.

«Супрема» был предметом гордости и славы Луизы, которая хоть и работала экономкой в доме священника, но по призванию была прирожденным кондитером. Ее легендарный сборник рецептов, потерянная тетрадь в черной обложке в пятнах, был сам по себе тайной, еще более загадочной и недоступной, чем «Манускрипт Войнич»².

— Пойду! — объявила в итоге Луиза, уже на выходе.

Сорок шесть голов проводили ее взглядами, наблюдая, как она открыла бесполезный зонт в клеточку и решительно направилась прочь от церкви.

¹ «La Suprema» (ит.) — «Великая».

² М а н у с к р и п т В о й н и ч а — иллюстрированная рукопись неизвестного автора на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита. Точное время изготовления рукописи остается неизвестным, но документально ее история прослеживается с XVI века.

— Спорим на двадцать тысяч лир, что ее ударит молнией, — объявил Витторино.

Из-за его плеча откликнулся другой мальчик, уже стоящий на пороге энергичной юности:

— Я в деле!

Его звали Чезаре, и тем утром он пришел в церковь с мамой и своим старшим братом Этторе. Мечтая стать врачом, в глубине души он надеялся своими глазами увидеть последствия удара молнии в человека, от чего все тело наэлектризуется.

В этот самый момент, который присутствующие на воскресной мессе запомнят навсегда, перед церковью Тильобьянко в самом деле ударила молния, а если точнее, она попала прямо в экономку Луизу, с ее зонтиком в клеточку.

Вся церковь закричала. Дон Аттилио упал в обморок.

— Я выиграл! — воскликнул Витторино, который ни разу еще не проиграл ни одного пари.

— А как же теперь ее сборник рецептов? — послышалось бормотание Аньезе, стоявшей подале.

Три дамы в одинаковых нарядах, подруги еще с колыбели, Кларетта, Розамария и Эвелина, посмотрели на Аньезе с оттенком восхищения. Думать о рецептах, когда Луиза лежала и дымилась на паперти, требовало изрядной храбрости. А эта тройца храбрость ценила. Кларетта, недавно овдовев, решила рискнуть и открыть в Тильобьянко продуктовый магазин, единственный в деревушке, который продавал бы «prelibatesse

Итальянское лето с клубничным ароматом

gourmet», изысканные деликатесы. Для полноты картины она думала назвать его ни много ни мало, а «Империей деликатесов».

Именно в тот момент гроза, столь же быстро, как и налетела, решила, что нанесла уже достаточно ущерба и пора уходить. Дождь прекратился, и перед потрясенными взорами прихожан церкви появилась ослепительная радуга.

— Это знак, — прошептала Кларетта, пока дона Аттилио бережно укладывали на скамью в последнем ряду, а Чезаре, будущий хирург, спешил на улицу, посмотреть поближе на сраженную молнией экономку. Когда еще ему представится такой прекрасный шанс?

А далеко-далеко от Тильобьянко, в то же воскресное утро, пока Чезаре бежал к бедной Луизе, распростертой на паперти под почти оскорбительной радугой, Присцилла из группы второго класса детского сада была на игровой площадке, как раз между горкой и песочницей, и протягивала маргаритку одному светловолосому мальчику. Который в ответ толкнул ее так сильно, что она упала и ударилась лбом о скамейку.

Потребовалось тридцать два года, чтобы судьбы этих двоих переплелись.

Глава первая

Венеция, май.

Тридцать два года спустя

— Так что я ушла и оставила там цветы, — рассказывала Присцилла Гринвуд своей подруге Ребекке, симпатичной брюнетке со стрижкой паж.

— Ну хотя бы цветы ты могла взять. Какие, кстати? — Ребекка руководила бизнесом по продаже цветов, поэтому про букет спрашивала как минимум с профессиональным интересом.

— Ну, желтые какие-то. Купальницы?

— Купальницы? Кто вообще дарит букет купальниц? Наверное, это были нарциссы.

— Ребекка, дело совсем не в этом. А в том, что стоит мне заглянуть к своим на ужин, как мама сразу же приглашает первого попавшегося холостяка и пытается меня пристроить.

Но подруга продолжила говорить, почти ее не слушая:

— Как тебе вообще пришли в голову купальницы? И Присцилла решила последовать ее примеру:

Итальянское лето с клубничным ароматом

— Вот скажи, где она их находит? Отлавливает на заправке? В супермаркете? Так и вижу, как она внимательно изучает их тележки, выбирая тех, кто не взял детское питание, а потом тыкает пальцем в спину со словами: «Простите, вы, случайно, не свободны? Вижу, вы купили мороженный рыбный суп. Моя дочь тоже еще не замужем. Знаете, она симпатичная! И еще писательница, и даже в какой-то мере успешная, что совершенно необъяснимо. Вот, посмотрите, оставлю вам фото». И сует ему в руку мое фото, как какой-нибудь адепт-сайентолог.

— А я, кстати, где-то читала, что супермаркеты — прекрасное место для охоты. Ведь и холостяки ходят за покупками, — заметила Ребекка, надкусывая маслину, которая явно знавала времена и получше.

Она никогда не улавливала суть беседы, в этом был ее талант. Обычно Присциллу это бодрило, но сейчас вечер ее утомил. Она подняла руку, показывая официанту, что ей нужен еще американо. И крепкий. Что уж поделать.

— Ну он хотя бы принес цветы, — попробовала еще раз Ребекка, которая всегда немного сочувствовала Лючинде, матери Присциллы. — Вдруг он бы оказался интересным человеком... он хотя бы хорошенький?

— Хорошенький? Мужчина не должен быть хорошеньким, уж точно не когда ему исполнилось больше девяти лет! Канарейка Твитти может быть хорошенький, а не мужчина! И в любом случае он занимается продажей недвижимости, и знаешь, сколько он говорил про преимущества плиточного пола? Двадцать шесть минут! ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ! Я засекала.

— Так и что, спустя эти двадцать шесть минут ты встала и ушла, даже не взяв бедные нарциссы?

— Это были не нарциссы. Я знаю, как выглядят нарциссы. Подсолнухи? Так или иначе, нет, я дождалась конца ужина, вежливо попрощалась, всех поблагодарила, поцеловала маму с папой, пожала руку этому типу, а потом да, взяла и ушла.

— Не думаю, что это были подсолнухи. Их бы ты тоже узнала. Они большие и плоские, внутри черные, по кругу лепестки, ну, знаешь? Ты же видела их тысячу раз... и что, он даже не предложил проводить тебя домой?

— Предложил, но я сказала, что иду не домой.

— А куда? — распахнула глаза Ребекка. Виданное ли дело — Присцилла, которая не хочет домой! Она с трудом уговаривала подругу сходить куда-нибудь, и ей едва удалось вытащить ее даже на этот простой аперитив.

— Домой. Я просто сказала, что у меня встреча ровно в полночь перед театром «Ла Фениче»¹, и что я не могу опоздать ни на минуту.

— Представляю выражение лица твоей мамы... И с кем же ты должна была встретиться в полночь у «Ла Фениче»?

— Да ни с кем же, Ребекка! Сосредоточься! Я хотела просто вернуться домой, закрыться там с бутылкой рома и попробовать убить Каллиопу!

¹ «Ла Фениче» (от *ит.* la Fenice — «Феникс») — оперный театр в Венеции, впервые открылся в 1792 году и находится на Campo San Fantin.

Итальянское лето с клубничным ароматом

Ребекка со звоном опустила бокал белого вина на стол.

— Ты же не всерьез? Ты правда хочешь ее убить?

— Ну конечно! — воскликнула Присцилла, кое-как завязывая рыжие волосы в узел на затылке. — Наконец-то я избавлюсь от этой распутницы.

Седоватый мужчина с пивом в руках, сидящий за соседним столиком, слегка повернул голову — настолько, чтобы в случае чего оставаться в курсе планировавшегося убийства. Его кузен Витторино как раз работал в полиции. Мало ли что.

— Но... а что потом?

— А потом... кто знает. Может, стану писать боевики и триллеры, — ответила Присцилла, пытаясь выловить из бокала кусочек апельсина.

— Например?

— Ну, в таких еще преследуют такси, бродят по сомнительным закоулкам — все в таком духе.

— А мне Каллиопа нравится, — тихонько вздохнула Ребекка.

— А мне — уже нет. Да я ее целых девять лет терпела. Девять. И знаешь, сколько слов я написала утром? Тысячу семьсот восемьдесят девять!

— Это много или мало? — поинтересовалась подруга, которая разбиралась в чемерице, но не в программе «Word».

— Это просто убожество. Полный провал. И это за три часа и двенадцать минут. Ребекка, я не могу. Или я ее убью, или она меня. Девять лет и семь рома-